

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XLI

К 11103740

ЛЕНИНГРАД
«Н А У К А»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

Посох Стефана Пермского

Хранящийся в настоящее время в Пермском областном музее епископский посох, украшенный резьбой по кости, изображающей сцены из легендарной биографии Стефана Пермского (рис. 1, 2),¹ представляет большой интерес и как уникальное произведение прикладного искусства и как своеобразный исторический источник. Изображенные на посохе композиции и сопровождающие их надписи соответствуют особой версии жития Стефана, неизвестной в рукописях. Учитывая большую важность деятельности Стефана, создателя письменности народа коми и особого алфавита для нее и переводчика на этот язык ряда библейских и богослужебных текстов,² а также неясность многих вопросов, связанных с его деятельностью, историей возникновения его посмертного почитания как святого и формированием литературной и фольклорной традиции вокруг его имени, следует еще раз вернуться к изучению этого памятника, тем более что имеющиеся публикации памятника не дают полного представления о всех деталях изображений на посохе и содержании связанных с ними надписей.

Исключительная по своему культурно-историческому значению деятельность Стефана осталась слабо освещенной в письменных источниках. Близкие к его деятельности по времени летописные сведения предельно кратки.³ Небогато фактическими данными и объемистое Житие Стефана Пермского — выдающийся памятник древнерусской литературы.⁴ Авто-

¹ Не вполне точное описание посоха и имеющихся на нем надписей впервые опубликовано в кн.: Макарий, архим. Сказание о жизни и трудах святого Стефана, епископа Пермского. СПб., 1856. С. 26, примеч. 57; С. 54—58. Это описание фактически повторено в кн.: Шишонко В. Пермская летопись: Первый период с 1263—1613. Пермь, 1881. С. 13—16. Иллюстрированное издание (но без прочтения и рассмотрения надписей): Вауе, барон де. La crosse de S. Etienne de Perm (XV siecle) // Revue de l'art Chrétien. Bruges, 1898. Juillet. Прочие упоминания об этом посохе в печати: Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889. С. 14; Icones russes du baron de Baue // АИЗ. 1897. № 9. С. 297; Бай, барон де. От Воляги до Иртыша. Тобольск, 1898. С. 10 (последнее упоминание с фантастической датировкой посоха XII в. — опечатка?). Существует также краткая заметка о посохе в журнале, издающемся на языке коми, в которой в основном пересказывается описание Макария: Жеребцов Л. Н., Паршуков В. Ф. Стефан Пермский и онъ бедъ // Войвыв кодзув (Северная звезда). Сыктывкар, 1981. № 1. С. 63, 64. — Автор сохраняет традиционное название посоха Стефана Пермского, хотя оно условно, так как резные сцены, представленные на посохе, выполнены уже после смерти Стефана (1396 г.). О древнерусских посохах, украшенных резьбой по кости, см. также: Чернецов А. В. Резные посохи XV в.: (работа кремлевских мастеров). М., 1987.

Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность М. Г. Прокуровой и другим сотрудникам Пермского областного краеведческого музея за предоставленные фотоматериалы и ценные консультации.

² См.: Лыткин В. И. Древнепермский язык. М., 1952.

³ ПСРЛ. 1965. Т. 11. С. 164—166.

⁴ Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897 (далее: ЖСП). Литература об этом памятнике весьма значительна. Перечислю лишь наиболее важные из новейших работ: Коновалова О. Ф.

1) Принцип отбора фактических сведений в Житии Стефана Пермского // ТОДРЛ.

Рис. 1. Общий вид посоха Стефана Пермского (из публикации де Бая, 1898 г.).

Рис. 2. Посох Стефана Пермского (современный вид).

ром этого жития был современник Стефана, лично его знавший, — Епифаний Премудрый.

Епифаний Премудрый был представителем литературной школы, возникшей на Руси под югославянским влиянием, для которой характерны крайняя витиеватость и риторика. Епифаний следовал принципам этой школы, особенно в ЖСП, в котором факты буквально тонут в море цитат, сравнений, бесконечных верениц эпитетов, синонимов и т. п. Сами факты в ЖСП, как правило, лишены конкретности («пришел в некое место» и др.). Вместе с тем ЖСП остается наиболее важным источником для изучения деятельности этого миссионера. Помимо сведений ЖСП, в позднейшее время известны легенды о деятельности Стефана,⁵ но время их возникновения неясно. Часть этих легенд входит уже в Вычегодско-Вымскую летопись — памятник XVI в., сравнительно недавно введенный в научный оборот.⁶ Отдельные сведения этой летописи существенно дополняют историю деятельности Стефана. Кроме того, существует служба св. Стефану, включающая его краткое Житие. Она написана в 1473 г. Пахомием Сербом.⁷ Наиболее ранние (за исключением резных композиций на посохе) изображения, отражающие деятельность Стефана Пермского, — это миниатюры второй половины XVI в. в Лицевом летописном своде.⁸ На них и события, и реалии трактованы в условном иконописном стиле и гораздо менее информативны, чем резные композиции, которые будут рассмотрены ниже. На одной из них представлены Стефан перед группой язычников, а также объекты их почитания. Миниатюра буквально иллюстрирует текст: «. . . молящиеся идолом, солнцу, огню, воде, камению, древию, волон, козам и кудесником, и волхвом, и золотой бабе».⁹ Ни одежды пермяков, ни объекты их поклонения на этой миниатюре, как и на других в данной серии, не сохраняют никаких черт исторического своеобразия. Показательно, что на миниатюре, посвященной созданию пермской письменности, Стефан представлен держащим в руках хартию с начальными буквами кирилловского алфавита вместо созданной им пермской азбуки.¹⁰ Стефан на рассматриваемых миниатюрах изображается в нимбе (о значении этой черты см. ниже).

Фрагментарность фактических сведений о Стефане Пермском и его деятельности в письменных источниках и неясность сложения легендарной традиции вокруг его имени заставляют рассматривать резной посох, украшенный сценами из особой версии жития этого миссионера, как памятник большого культурно-исторического значения. Отметим, что размещение серии житийных сцен на епископском посохе — явление уникальное.

Изображение этого посоха, описывавшегося в церковной и краеведческой литературе, было в 1898 г. опубликовано бароном де Баем. Однако и иллюстрированное издание де Бая, и более ранние описания не могут

Л., 1969. Т. 24; 2) Об одном типе амплификации в Житии Стефана Пермского // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25; 3) Панегирический стиль древнерусской литературы: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1970; 4) Традиционная метафора в Житии Стефана Пермского // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32; Антонова М. Ф. 1) Некоторые особенности стиля Жития Стефана Пермского // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34; 2) Кирилл Туровский и Епифаний Премудрый // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36; Косова А. Дж. За один характерен момент в компилятивната дейност на Епифаний Премъдри // Palaeobulgarica. 1980. № 1 (IV); А л и с с а н д р а т о с Ю. А. Следы патристических типов похвал в Житии Стефана Пермского // Древнерусская литература: Источниковедение / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1984.

⁵ Макарий, архим. Сказание. . . С. 11—15.

⁶ Доронин П. Документы по истории коми: Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихьевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 258—260.

⁷ См.: Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. С. 189—192.

⁸ ВАН, 31.7.30, л. 571 об.—576 об., а также л. 211 (2-й Остермановский том).

⁹ ПСРЛ. Т. 11. С. 164, 165.

¹⁰ См.: Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 99.

считаться исчерпывающей публикацией. Де Бай опубликовал фотографии, количество и качество которых не позволяет представить полную развертку резных деталей посоха. Почти все надписи на фотографиях нечитаемы. Де Бай не приводит чтения надписей и их перевода, не расшифровывает содержания композиций и их деталей (основная часть текста его статьи — изложение биографии Стефана). Приводимые де Баем основания для датировки посоха XV в. недостаточны. В описании архимандрита Макария, в основном повторенном В. Шишонко, приводятся чтения надписей, в отдельных случаях неточные (встречается даже пропуск слов), ряд изображений (в частности, сокрушение идола и погребение Стефана) не понят. В дальнейшем посох Стефана Пермского не изучался исследователями древнерусской литературы и искусства. Он не был, в частности, включен в своды А. С. Орлова и Т. В. Николаевой.

История посоха реконструируется следующим образом. Деревянная основа, которую украсили резными изображениями, возможно, являлась реликвией, непосредственно связанной со Стефаном. Костяные детали со сценами его жития несомненно сделаны уже после его смерти (смерть миссионера упомянута в надписях). Вслед за Макарием и де Баем можно полагать, что посох какое-то время хранился в соборе Спаса на Бору в Московском Кремле, там же, где находилась могила миссионера, умершего в Москве. Очевидно, в связи с польской интервенцией посох был в 1612 г. вывезен из Москвы в Литву и передан в Супрасльский монастырь. В 1849 г. посох был перенесен в кафедральный собор Перми.

Вполне логичное предположение о том, что посох, прежде чем попасть в Литву, находился в Московском Кремле при раке Стефана, не дает еще ответа на вопрос о времени и месте его создания. Довольно примитивный характер резьбы не имеет ничего общего с работой московских косторезов второй половины—конца XV в., изготовленные которыми резные посохи отличаются гораздо более сложной и тонкой резьбой. Маловероятно, чтобы такой предмет, как епископский посох, создавался только как мемориальный. Скорее всего, до того как попасть в Москву, этот посох служил одному из пермских епископов, наследников Стефана, который обосновывал свой авторитет славой своего выдающегося предшественника. В Москву посох мог попасть во время окончательного перенесения епископской кафедры из Усть-Выми в Вологду (середина XVI в.). При этом часть ризницы и библиотеки была перенесена в Москву.¹¹

Посох имеет 130 см в длину. Его основа — деревянный круглый в сечении стержень, толщиной около 19 мм. В верхней части посох оканчивается Т-образной рукоятю. Рукоять имеет длину 147 мм, толщину 17—20 мм. Ниже рукояти расположено яблоко, имеющее костяную основу, сверху и снизу охваченное медными золочеными полушариями, так что из-под них виден лишь узкий поясok кости с надписью. Диаметр яблока 41.5 мм, толщина костяной части яблока (по продольной оси посоха) 11 мм, металлических полушарий — по 10 мм.

Ниже яблока основа посоха украшена полыми цилиндрическими костяными накладками со сквозной резьбой и гравировкой. Длина этих цилиндров, считая сверху вниз: 106; 155; 156; 137; 134; 134 и 120 мм. Их диаметр 23—24 мм, толщина 1.7 мм. Костяные колена разделены медными профилированными обоями (длина 9.7 мм, диаметр — 27.4 мм). Общая длина той части посоха, которая покрыта резными накладками и обоями, — около 98 см. На конце посох имеет медную оковку длиной 63 мм и завершается железным четырехгранным острием. Кость, использованная для резьбы, — видимо, лосиный рог.

Порядок резных колен в настоящее время несомненно отличается от первоначального, что, по-видимому, связано с ремонтом посоха (скорее всего — заменой деревянной основы). Поэтому при рассмотрении надпи-

¹¹ См.: Т и т о в А. А. Летопись великоустюжская. М., 1889. С. 22, 23.

сей и изображений на посохе будут отмечаться все те данные, с помощью которых можно хотя бы частично восстановить первоначальный порядок колен.

На фотографии в статье де Бая (см. рис. 1) виден длинный продолговатый кусок расшитой ткани, прикрепившийся к рукояти, в настоящее время утраченный. Это известно по русским письменным источникам и изображениям, во всяком случае с XVI в., украшение епископского посоха — сулок. Сулок, находившийся при данном посохе, судя по украшавшему его узору, был изготовлен не ранее XVIII в.

Анализ покрывающей костяные детали посоха резьбы представляется целесообразным начать с рассмотрения имеющихся на нем надписей. Последние дают наиболее бесспорный материал для правильного истолкования смысла изображений, их связи с письменными источниками. Особенности правописания и начертания букв важны также для установления времени и места изготовления посоха.

Рукоять посоха (рис. 3) имеет на двух сторонах две полностью сохранившиеся надписи. Вместе с тем они представляют и большую трудность для истолкования.

1-я надпись:

се еть ѳеяне епискупа Стефана Пермьскаго ѿнимаеть выиіеонѡпаикон

1 5 10 15 20 25 30 35 40 45 50 55

2-я надпись:

ѡпѣстѡбѡивѡпмѣса и конопѣ и ѡвиса емоу бесѣ в ризахъ и ре ему

1 5 10 15 20 25 30 35 40 45 50

Обе надписи, вероятно, представляют собой одно целое; первая несомненно является началом. Надпись содержит ошибки, а также сокращенные написания, соответствующие тем, какие были приняты при письме с надстрочными знаками (титлами) и буквами, однако все эти надстрочные знаки опущены. Такое явление нередко в русской эпитафике. «Еть» — есть (подразумевается надстрочное «с»), «ѳеяне» — деяние или деянье («ѳита» и «д» имеют в резьбе посоха близкое начертание).

Ни здесь, ни в каком-либо другом месте надписей посоха Стефан не назван святым, причем постоянно указывается, что он епископ. В надписях колен и яблока указывается только «епископ», а имя опускается. В то же время важная часть деятельности Стефана протекала до принятия им епископского сана. Все это, по-видимому, свидетельствует о том, что посох был создан до официального утверждения культа Стефана, причем постоянное указание на его епископство должно было поддерживать его авторитет.

Следующее слово «отнимаеть» — отнимает, после него идет непонятный набор букв. Возможно, предполагалось написать «отнимаеть выи» (шеи, по-видимому, от ярма работного, язычества или дьявола) или «отнимаеть вы» (т. е. вас, пермяков) от чего-либо подобного.

Далее архимандрит Макарий выделяет два греческих слова: «еон» αἰών и «оп» ὄψ (век и лицо).¹² Это, однако, представляется натяжкой и не имеет смысла. Конечное «икон» не связано со словом «икона» и не представляет оконченного слова (в конце нет «ъ»). Можно вслед за Макарием читать эти буквы вместе с началом надписи на другой стороне «и конопѣстѡ» с исправлением «б» на «в», тогда это «конопѣство» от «коноб» — сосуд; значение производного «конопѣство» неясно — совокупность посуды или что-то связанное с сосудом (событие?). Слово «коноп» упоминается и в других надписях посоха (см. ниже). «. . . въ оп мѣса» — последнее слово по

¹² Макарий, архим. Сказание. . . С. 54.

Рис. 3. Рукоять посоха.

Макарию — «мыся — мылся», а все вместе — «мыл лицо»? Однако «ижица» не употреблялась в значении «ы». Предлог «в» во всех других случаях в надписях посоха — без «ъ». Характерная частица «са» как будто действительно указывает на глагол. Но нет никакой уверенности в правильности разделения слов — после «оп» нет «ъ».

«Коноп» — «коноб», сосуд. По мысли Макария,¹³ речь идет о бесе, явившемся Стефану во время умывания (сюжет известен в русской агиографии, но не в связи со Стефаном). Однако основания для такой версии сомнительны. Во всяком случае «коноп» как-то связан с бесом. Они рядом упомянуты в надписи на ручке посоха, а также на 4-м колене. «Коноб» («Куноп») — имя волхва, противника Иоанна Богослова, упоминаемое в летописях.¹⁴ Сочетание «бес» и «коноп» напоминает известный литературный штамп: «сосуд дьявольский» — грешник. Однако и слово «конопь» («Конопъ») и его контекст в надписях посоха остаются неясными.

«. . . и явися ему бес в ризах» — чтение сомнения не вызывает; эпизод в известных письменных источниках отсутствует. Возможно различное понимание слова «ризы»: обобщенное «одежда» и более узкое — «священническое облачение». Отметим редкое для надписей данного посоха написание звука «у» как «оу».

«. . . и ре ему» — и рече ему (в слове «рече» подразумевается надстрочное «ч»).

Заключительная часть второй надписи понятна, но не дает ясной картины эпизода. Между тем то, что он оказался упомянутым на ручке посоха, показывает, что он считался особо важным (или начальным). Однако содержание сказанного бесом Стефану остается неизвестным. В резьбе посоха отсутствует надпись, — которую можно было бы считать бесспорным продолжением надписи на рукояти, — содержащая слова беса. Скорее всего бес мог отстаивать свои права на пермский народ или угрожать Стефану за его деятельность.

Непонятная часть надписи, по-видимому, не является каким-то из распространенных древнерусских шифров. Наиболее популярный из них, тарабарская грамота, последовательно заменяет согласные, заменяя их друг другом и оставляя гласные, а также «ъ» и «ь» на своих местах. Труднопроизносимое сочетание гласных «иііео» показывает, что это не русская шифрованная надпись с сохранением гласных на своих местах. Сходство буквосочетаний

иіеонопа
иконопьстбо

иконопъ (начертание «іе» близко начертанию «к»)

наводит на мысль о механическом характере ошибки. Можно предполагать, что резчик был неграмотен. Однако начертания почти всех букв

Рис. 4. Костяное яблоко посоха и одно из золоченых полушарий.

¹³ Там же. С. 26.

¹⁴ ПСРЛ. 1962. Т. 1. С. 180.

верны. Можно было бы предположить, что надпись содержит пермяцкие слова. Однако здесь следует быть осторожным, так как в передаче русских слов много ошибок и описок.¹⁵

Надпись на яблоке (рис. 4) в настоящее время частично закрыта металлической полусферой и не может быть полностью прочтена до реставра-

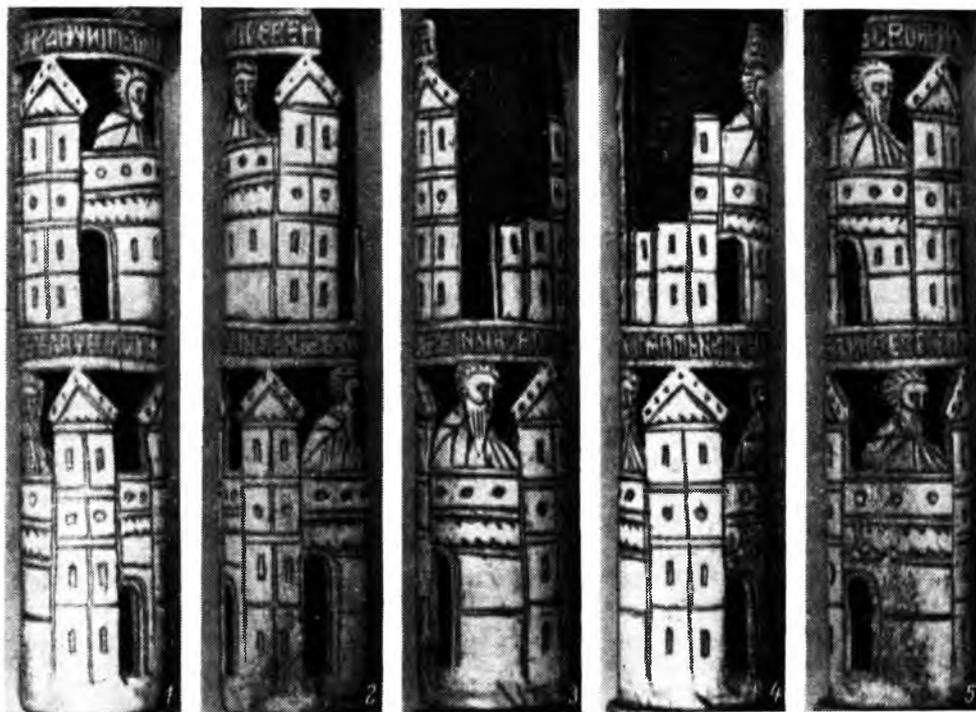

Рис. 5. 1-е резное колено посоха.

ции. Закрытую часть привожу по Макарию (с вариантом, который можно предполагать по не вполне ясным фотографиям де Бая).

[и вниде] епискупъ в насадъ іскати демона іхъ і погрузи бесъ нас [адъ
 1 5 10 15 20 25 30 35 40 45 50
 и не вселиса в него]
 55 60 65

Вариант окончания надписи по де Баю:

и не вселися в него

и не влеися в него (очевидно — вода).

В этом тексте упоминается демоническое чудо, посредством которого бес пытался помешать Стефану найти и сокрушить идола. Надпись яблока находится в связи с изображением на 3-м колене. На двух композициях этого колена представлено шествие Стефана в ладье, а также погружение ладьи. В надписи яблока интересно последовательное написание «насадъ» вм. «насад» — очевидно, диалектизм.

Переходя к анализу надписей на отдельных коленах, следует отметить, что начала надписей на поясах почти всегда отмечены разделительным

¹⁵ Автор консультировался с Е. А. Хелимским по поводу возможности наличия на рукояти посоха древнепермских слов. Е. А. Хелимский полагает, что нечитаемые по-русски части надписей нельзя также объяснить ни из древнепермского, ни из других финно-угорских языков.

знаком в виде прямоугольника. Начала надписей, расположенных друг под другом, находятся на одной вертикальной оси. Та же ось является разделителем при прочтении композиций.

Колено 1-е (рис. 5).

1-я надпись (сохранилась не полностью):

неверн. . . в (?)свои радують

1 5 10 15

Неверный — постоянное название язычников в надписях посоха. Вероятный смысл фразы: неверные, творяще свои языческие обычаи, радуются. Может быть, именно эта фраза и содержит слова беса, о которых говорится в надписи на рукояти? В таком случае это колено и в первоначальном положении на посохе должно было идти первым. Однако в таком случае оно должно было находиться выше яблока, поскольку сразу после яблока несомненно должно было идти колено 3-е, изображения на котором частично иллюстрируют надпись на яблоке.

2-я надпись (сохранилась полностью):

і ѿны же невернии садтъ на граде веселящесѣ

1 5 10 15 20 25 30 35

Последнее слово — «веселящеся» («о» и «с»), «я» и «д» спутаны по сходству начертания, а не звучания). Очевидно, веселье язычников связано с положением дел до появления Стефана или свидетельствует об их упорстве в начале его деятельности (под защитой укреплений?).

Колено 2-е (рис. 6).

Содержит три почти полностью сохранившиеся надписи. Первая надпись выделяется краткостью, занимает лишь часть пояска. Остальная часть пояска занята орнаментом.

1-я надпись:

поидоша на епискупа со шруж. . .

1 5 10 15 20

Слово «епискупа» — ошибка. Второй знак, возможно, не буква. Поскольку подлежащее в данной надписи отсутствует, следует предполагать, что первоначально этому колону непосредственно предшествовало такое, в последней надписи которого упомянуты те, кто отправился в поход против епископа.

2-я надпись:

і тыи невернии послепоша и плакашасѣ і в лесе

1 5 10 15 20 25 30 35

32 — вероятно, не должно читаться. Эта надпись поясняет, кто изображен на предыдущей композиции — неверные. Своеобразен глагол «последпоша» (необычна приставка).

3-я надпись:

и принесоша епискупоу свои законъ і возопиша к н

1 5 10 15 20 25 30 35 40

Здесь редкий для надписей данного посоха случай передачи русского звука «у» двумя знаками «оу».

Колено 3-е (рис. 7).

Имеет две надписи, в верхней — две буквы утрачены.

1-я надпись:

и ста епискоупъ крести воду и преиде невред. . . (невредим. — А. Ч.).

1 5 10 15 20 25 30 35

Отметим архаичное написание «оу».

2-я надпись:

і сече демона іш і шгнь складе і забуде шгныва

1 5 10 15 20 25 30 35

Макарий читает: «демона ихъ» (язычников), но буква 13 — «омега». Буквы 15 и 32 — «омеги» с ударением и придыханием. Знаки 12, 13 и 14, 15, видимо, механически повторены.

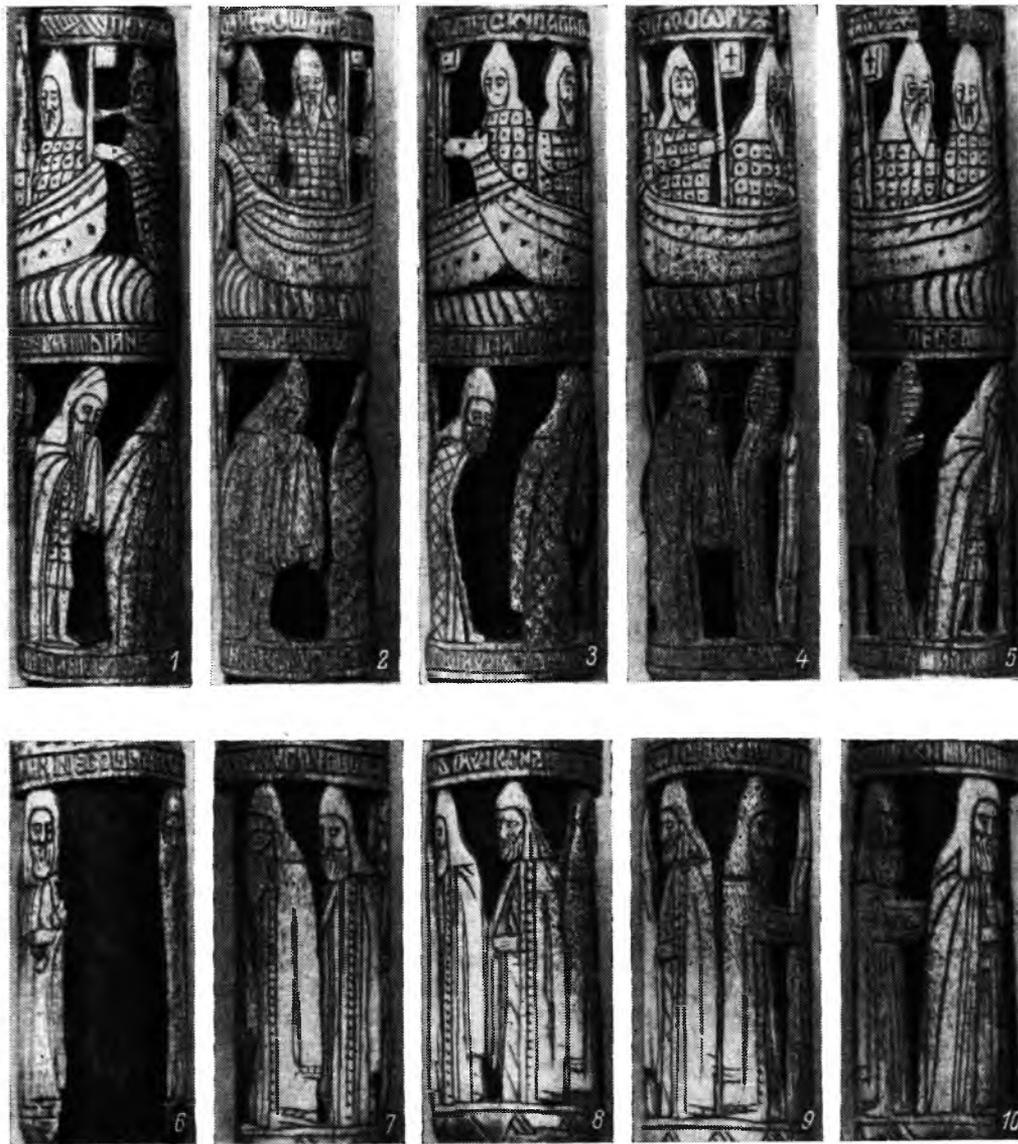

Рис. 6. 2-е резное колено посоха.

Колено 4-е (рис. 8).

Имеет две надписи, сохранившиеся частично.

1-я надпись. Сохранилась небольшая часть. Макарием прочтены участки ныне утраченные.

[соборъ...е] пискупом[ъ]

1 5 10 15

Первоначальный смысл, очевидно, такой: собор служит заупокойную службу над епископом.

2-я надпись:

не...на о дрвна глахо со свещам

1 5 10 15 20

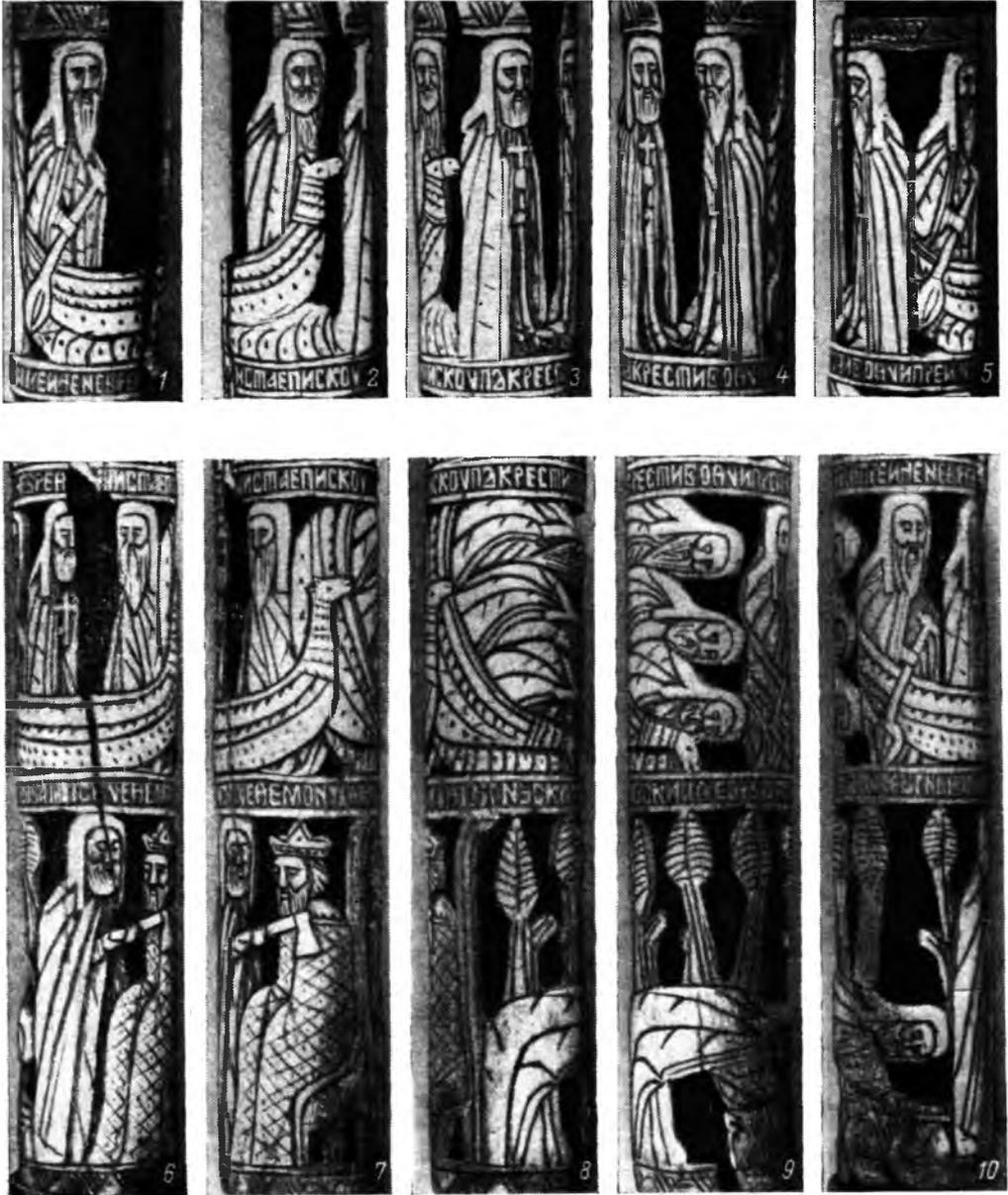

Рис. 7. 3-е резное колено посоха.

Бесспорно лишь чтение последних двух слов: «со свещам». Первое слово можно предположительно восстановить по содержанию композиции: «несут». «От дрвна» — или речь о чем-то «древянном» (гроб), или «от древних времен». Возможно, подчеркнуто, что погребение было произведено

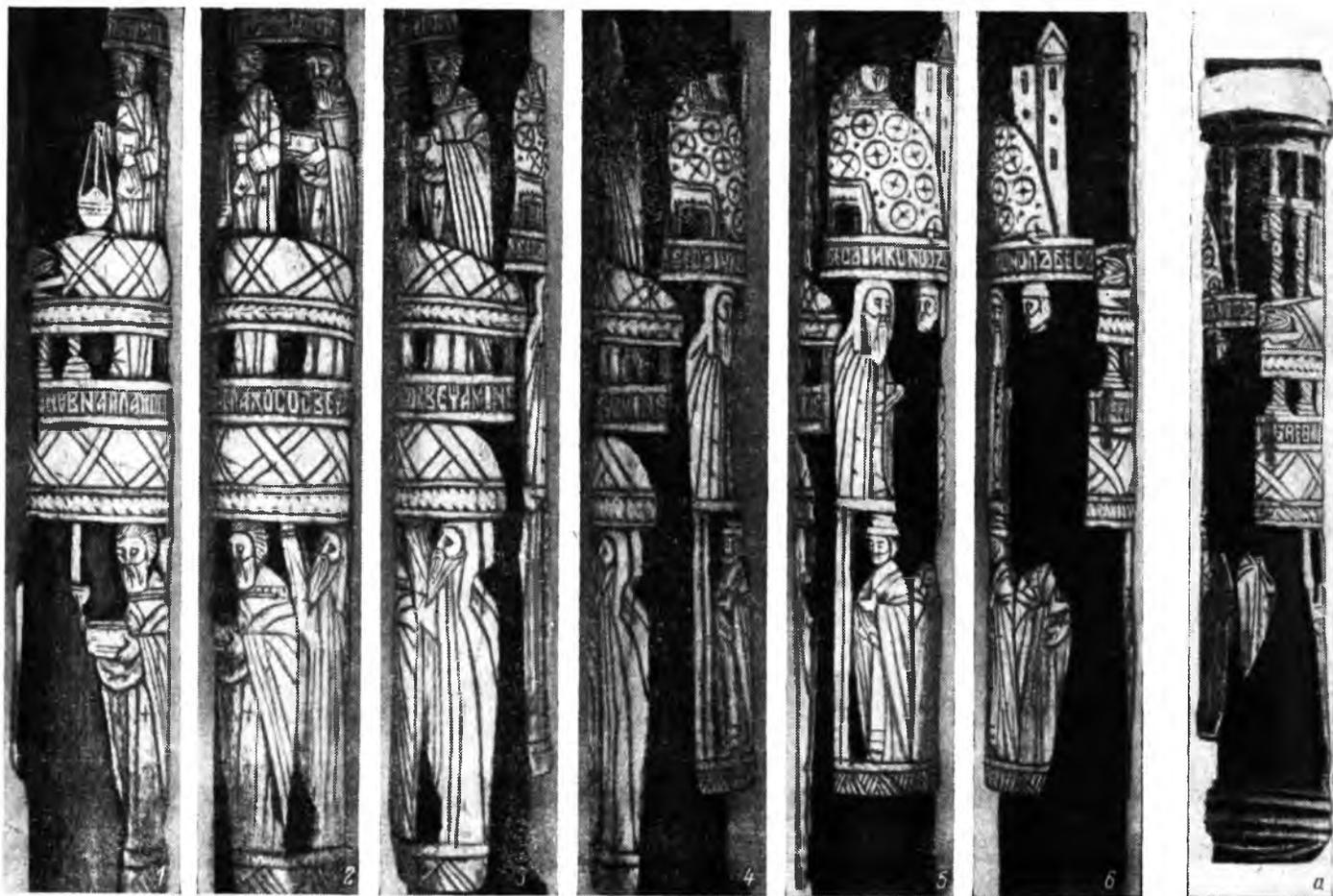

Рис. 8. 4-е колено посоха. а. — деталь колена по фотографии де Бая. Видны детали, в настоящее время утраченные.

в соответствии с порядком, установленным с древних времен. «. . глахо» — несомненно форма глагола «глаголати», написанная без букв, не писавшихся в строку при письме с надстрочными знаками. Окончание при этом может быть прочтено двояко: «глаголахом» с надстрочным конечным «м» или «глаголахо», где конечное «о» выступает вместо «ъ», что в принципе возможно. Обе формы — первого лица (единственного и множественного

Рис. 9. 5-е резное колено посоха.

числа), что непонятно. Очевидно, текст дефектен. Возможный смысл: Стефана несут со свечами на погребение в соответствии с установленным издавна обрядом. Вариант: в соответствии с тем, что давно было ему предсказано.

В настоящее время к 4-му колену механически присоединена часть от другого колена с обрывком надписи. Этот обломок имеет в нижней части иной орнамент, чем 4-е колено, расстояние от надписи до нижнего края обломка тоже иное, чем у 4-го колена. Обломок представляет собою часть особого колена, так как не подходит ко всем сохранившимся коленам. Надпись на этом фрагменте:

и конопъ бесъ. . . бесъ

1 5 10

Смысл неясен. Два раза упомянут «бесъ», один раз «конопъ» (см. выше).
Колено 5-е (рис. 9). Две надписи, сохранившиеся частично.

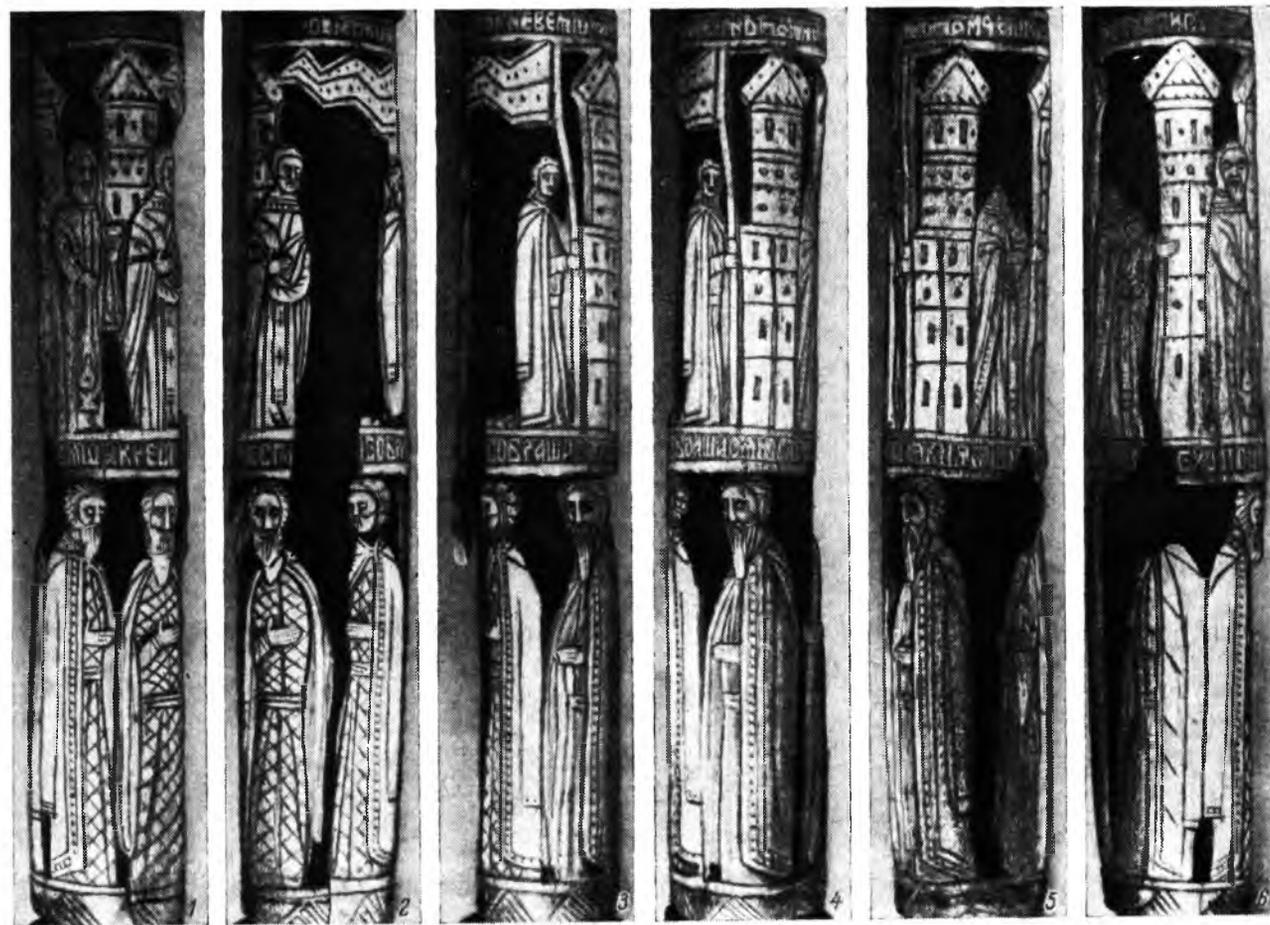

Рис. 10. 6-е резное колено посоха.

1-я надпись: ꙗде. Макарий ошибочно читал «оде».

2-я надпись:

наведе бесъ че... скупа

1 5 10 15

Макарий читал 11-ю букву как «н» (предполагал чтение «недуг»?). Смысл: бес навел что-то (судя по изображению — болезнь) на епископа. Глагол «наведе» несомненно отражает представления о вредоносной магии, «дурном глазе».

Колено 6-е (рис. 10). Сохранились две надписи, верхняя полностью, небольшая часть второй утрачена.

1-я надпись:

идеть епискоупъ съборомъ к невернымъ

1 5 10 15 20 25 30

Очевидно, третье слово следует читать как «съ соборомъ».

2-я надпись:

і собращасѧ князи шв... ехоташа крести...

1 5 10 15 20 25 30

Макарий читает буквы 16, 17 — «нев», очевидно, неверные. Можно предположить, что сцена «собрались князи неверные» находит свое продолжение в сцене «поидоша на епископа со оружием» (колено 2-е). Однако если епископ сам пришел к их граду с собором, то зачем было идти на него в ладьях? Если не принимать чтение «неверные» и считать, что надпись содержала не «нехотяща креститися», а «хотяща креститися», то композиции должны были бы идти после сцены сокрушения идола (колено 3-е) и принесения пермяками Стефану своего «закона» (колено 2-е). Если речь идет о князьях, желающих креститься, то сцена, в которой они с этой целью собрались, подразумевает следующую, представляющую крещение князей. Такой сцены, однако, нет, но она могла присутствовать на несохранившейся части резьбы посоха. Наконец, крестный ход к неверным мог открывать всю серию житийных сцен и находиться первоначально выше яблока.

Колено 7-е (рис. 11). Имеет две надписи, нижняя сохранилась полностью, верхняя — частично.

1-я надпись:

... дми черньщмъ соро... мзи...

1 5 10 15

Макарий читает «чернымъ», что не соответствует начертанию, но, вероятно, правильно исправляет ошибку надписи (сочетание «рньщмъ» невероятно для старославянского языка). «...соро» — может быть, речь о «сороках» соборей (в композиции фигурируют связки мехов). «...мзи» — Макарий читает «мре», что неверно.

2-я надпись:

ѡни нзверни и възрадовасѧ ѡ смрти еппѡ

1 5 10 15 20 25 30 35

Буквы 1 и 24 — «омеги» с придыханием и ударением. Исправления: «нзверни» — несомненно «неверные». «s» вм. «e» — ошибка, не обусловленная фонетически (согласная вм. гласной). «...еппѡ» — неудачная попытка дать сокращенное слово «епископа». С надстрочными знаками это слово выглядело бы как «еппа» с надстрочным «с»; два «п» перед «і» — безусловная ошибка. Отметим, что «і» в слове «еппѡ» имеет своеобразное начертание (возможно, вообще не буква). Но и без этого «і» написание с тремя «п» ошибочно.

По совокупности палеографических признаков резьба посоха должна быть датирована серединой XV в. Об этом свидетельствуют полное отсутствие вязи (характерной для надписей на произведениях прикладного искусства с конца XV в.), употребление «у» и реже «оу» при отсутствии лигатурного «ѡ», форма «э», «р», «ть», отдельные случаи написания «И» как «Н» (при преобладании написания «И»). От надписей конца XIV—начала

Рис. 11. 7-е резное колено посоха.

XV в. надписи посоха отличаются преимущественным написанием «у», а не «оу», «т» с тремя палочками, как перевернутое «ш», отсутствием написания буквы «ы» как «ѣ».

Палеографические данные являются главным основанием для датировки резьбы посоха. Они могут быть несколько уточнены с учетом исторических данных. Посох, в надписях на котором Стефан не назван святым, мог быть изготовлен только до 1473 г., когда по повелению пермского епископа Филофея была написана торжественная служба Стефану. В то же время, судя по палеографии, дату создания посоха нельзя относить к значительно более раннему времени. По-видимому, посох был украшен при предшественнике Филофея, Ионе. С этим владыкой связывается окончательное крещение пермяков в 1462 г.,¹⁶ причем при Ионе деятельность Стефана могла ассоциироваться с современными событиями. В это время сохраняла свою актуальность и враждебность к неверным: в середине XV в. (1443 и 1455) были убиты два пермских епископа — Герасим и Питирим.

Перейдем к рассмотрению резных изображений посоха.

¹⁶ См.: Доронин П. Документы по истории коми. . . С. 262.

На обеих сторонах рукояти (рис. 3) в ее центральной части мы видим изображения шестикрылых ангелов (серафимов или херувимов) в кругах. Подобное изображение на печатях является символом высших духовных властей, преимущественно — митрополита всея Руси.¹⁷ На посохе Стефана Пермского оно могло отражать или зависимость епископов пермских от московского митрополита, или просто духовную власть епископа. Остальная часть рукояти посоха покрыта растительным орнаментом, очевидно связанным с представлением о виноградной лозе (символически обозначающей Христа и апостолов — Иоанн, 15, 1—6). Такой орнамент на пастырском жезле мог напоминать о богословском обосновании власти епископа преемственностью сана, восходящей к апостолам. Подобный орнамент был очень широко распространен в прикладном искусстве Древней Руси в течение весьма длительного времени. Наличие кругов на концах отростков вьюна — более определенный хронологический показатель. Подобная черта характерна для орнаментики первой половины XV—начала XVI в.; в частности, эти круги имеются на резной детали оклада иконы Донской богородицы начала XV в. из собрания Загорского музея.¹⁸

На 1-м колене (рис. 5) представлены две практически идентичные сцены. «Поганые» изображены на стенах своего града. Важно, что представлен не просто вал, а настоящие стены с двумя ярусами бойниц, а также башни высотой в 5 этажей. Въезды в град расположены не в башнях, а в примыкающих к ним частях стен (реальная черта?). Поскольку жители города дважды названы неверными, очевидно их радость, о которой говорится в тексте, не связана с принятием христианства. Скорее они радуются в связи с тем, что им удается пока сохранить свои языческие обычаи в неприкосновенности. Отметим, что при всей своей условности изображения на посохе Стефана являются ценнейшим и уникальным источником для изучения оборонительных сооружений XIV—XV вв. у народа коми.

2-е колено (рис. 6) имеет три композиции и три надписи. На верхней композиции язычники с оружием едут против епископа на ладьях. В том, что это язычники, убеждают надписи двух следующих композиций на этом же колене, где они прямо названы «неверными». Неверные представлены в кольчугах и шлемах (или конических шапках), у них в руках три четырехугольных стяга и один изогнутый рог. Носы кораблей украшены изображениями звериных морд. Корабли с подобными носами известны на изображениях XV в.¹⁹ Композиция может быть связана с конкретным эпизодом только вместе со следующей сценой, поскольку в ЖСП упомянуто несколько попыток вооруженного нападения на Стефана.

Второй ярус этого цилиндра представляет чудо святого Стефана: враги, хотевшие на него напасть, ослепли; они теперь представлены не на судах, а в лесу; они подносят к лицу большие куски ткани (пытаются протереть глаза или утереть слезы) — эпизод, отсутствующий в ЖСП и известный по Вычегодско-Вымской летописи²⁰ и позднейшим сказаниям.²¹ Согласно упомянутой летописи, именно после этого чуда Стефану удалось крестить наибольшее число язычников.

Помимо буквального значения эпизод с ослеплением и чудесным прозрением мог иметь аллегорическое значение: противопоставление ослепления язычников свету христианского учения. В таком смысле о слепоте

¹⁷ См.: Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 82.

¹⁸ См.: Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси XIII—XVI вв. М., 1976. С. 186, рис. 66. — Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность Т. В. Николаевой, указавшей эту аналогию.

¹⁹ См.: Радзивиловская, или Кенигсбергская, летопись. СПб., 1902. Т. 1. Л. 15, 77 об. (фотомеханическое воспроизведение рукописи); Антонова В. И., Мневина Н. Е. Каталог древнерусской живописи: XI—XVIII вв. Государственная Третьяковская галерея. М., 1963. Т. 1, табл. 236.

²⁰ См.: Дорониин П. Документы по истории коми. . . С. 258, 259.

²¹ См.: Макарий, архим. Сказание. . . С. 15.

неоднократно упоминает Епифаний Премудрый.²² Из позднейших легенд известно, что Стефан, узнав, что жители поселка Гам вернулись к язычеству и «снова едят белок», назвал их «слепым родом», отчего впоследствии жители этих мест страдали глазной болезнью²³ (возможно, в легенде отразилось распространение в этих местностях трахомы).

Третья композиция, очевидно, представляет вершину деятельности Стефана — обращение пермяков. Это событие было иллюстрировано именно этой композицией, так как сцена крещения пермяков в резьбе посоха отсутствует. Принесение Стефану «закона» не известно более ни по каким источникам. В данном случае оно несомненно символизирует добровольный отказ пермяков от своих языческих святынь и передачу их Стефану. Что это за святыня — неясно. Слово «закон» как будто подразумевает религиозный текст (?). Никакой пермский языческий закон в ЖСП не упоминается, более того, в этом произведении специально подчеркивается, что до прихода к пермякам Стефана у них не было закона. «Людем беззаконным закон дал еси. . . не бывшу у них закону».²⁴ Пермяки, стоящие перед Стефаном, ничего в руках не держат, впрочем, здесь часть резьбы утрачена; не совсем понятный персонаж, стоящий за его спиной, держит книгу. Это или «закон», отданный Стефану пермяками, или богослужебная книга, которую несет идущий вслед за Стефаном какой-то его помощник.

Одно из изображений на рассматриваемом цилиндре имеет противоречие с текстом надписей. Это крест на одном из знамен, с которыми плывут враги Стефана — язычники. Можно предположить, что малограмотный или неграмотный резчик (ср. ошибки в надписях) не понимал содержания изображений, набросанных или намеченных другим человеком. Вид воинов, идущих в поход, вызывал в его уме прежде всего героические ассоциации и связывался с положительными образами. Учитывая важность рассмотренного центрального эпизода в резьбе посоха, попробуем детально сопоставить его с наиболее близким ему текстом Вычегодско-Вымской летописи.²⁵

Наряду с важнейшими чертами сходства — вооруженное нападение на Стефана, прибытие язычников в ладьях, эпизод с ослеплением и прозрением, завершившийся обращением большого количества пермяков, — приведенный текст имеет ряд отличий от версии, представленной в резьбе посоха. В тексте упоминается двукратное ослепление и прозрение; в нем не упоминается принесение пермяками Стефану «закона» или какой-то иной языческой святыни. Кроме того, если в надписях на рассматриваемом колене Стефан постоянно называется епископом, то, согласно тексту летописи, разбираемый эпизод относится ко времени, предшествующему поставлению Стефана в епископы. Таким образом, изображения на посохе несомненно иллюстрируют иную, хотя и близкую версию легенды.

3-е колесо (рис. 7) имеет три композиции и две надписи. На верхней композиции представлены два монаха лицом друг к другу и ладья, в которой видны две фигуры монахов. Эта композиция, а также следующая непосредственно связаны по содержанию с надписью на яблоке. Последнее изображение колена и надпись к нему поясняют, что под словом «демон» подразумевается языческий идол. На второй композиции дважды представлена ладья Стефана: один раз в горизонтальном положении, другой раз — в вертикальном (это изображает попытку беса потопить ладью). На третьей композиции представлен Стефан, наносящий топором удар «демону». Демон имеет вид сидящей на троне фигуры в длинной одежде, полностью закрывающей ее, так что рук не видно, в короне. Затем Стефан, нагнувшись, собирает поджечь остатки сокрушенного идола. Эпизод,

²² См.: ЖСП. С. 22, 41, 43, 66, 106.

²³ См.: Макарий, архим. Сказание. . . С. 12.

²⁴ ЖСП. С. 102.

²⁵ См.: Дорониин П. Документы по истории коми. . . С. 258—260.

представленный на этом колене, не находит прямого соответствия ни в одном известном тексте. В частности, нигде, кроме рассматриваемого посоха, не упоминается эпизод с попыткой беса утопить Стефана.

Чудо о спасении Стефана от потопления отсутствует в других письменных источниках. Однако оно пользовалось какой-то известностью еще в XVII в. Об этом свидетельствует отрывок из жития протопопа Аввакума: «. . . а буде в воду посадят, и ты [боже], яко Стефана Пермскаго, паки свободишь мя!».²⁶ Можно предположить, что Аввакум знал какую-то неизвестную версию жития Стефана или местное предание.

Сокрушение идола в принципе соответствует описанию ЖСП: «. . . кумира прежде обухом (на посохе — острием топора) в лоб ударяше, ти потом топором изсечаше на малая поленца, и огонь возгнетив. . . стараше огнем».²⁷ Известен в ЖСП и случай разорения Стефаном наиболее важной «нарочитой кумирницы». Однако в этом эпизоде не все совпадает с изображениями посоха. «В единый от днии божий раб преподобный помяся богу сотвори молитву, и по молитве вшед в етеро место идеже нарочитаа их кумирница, и покушашеся идолы их разорити и опроверже трибища их, и богы их раскопа, и божиею силоу нарочитую их кумирницу заже и пламенем запали ю. Се же сотвори безо всякого человека».²⁸ Как видим, здесь нет описания путешествия по воде и сопровождавших его чудес, причем характерно, что в этом эпизоде ЖСП Стефан действует в одиночку, тогда как на посохе искать «демона» отправились три монаха. Значительная часть проповеднической и иной деятельности Стефана действительно осуществлялась по воде. В ЖСП упомянуто, как он в ладьях привозил пермякам хлеб из Вологды.²⁹ Согласно местным легендам, он плыл в ладье по Вычегде, и вернувшиеся к язычеству жители Гама с берега кричали ему, что опять «едят белок».³⁰ В ладье отправился Стефан, согласно легенде, навстречу вогулам (манси), пришедшим с войной на Усть-Вымь. При этом вогулам показалось, что епископ сияет пламенем и посылает в них огненные стрелы.³¹ Образ плывущей ладьи, корабля (обычно вместе с образом житейского моря) чрезвычайно популярен в богослужебной и церковно-учительной литературе; он дважды встречен в ЖСП, причем сам Стефан Пермский выступает как кормчий душевной ладьи.³² На посохе из трех монахов, сидящих в ладье, Стефана, по-видимому, изображает не сидящий сзади с кормовым веслом, а центральный, с крестом на груди (вероятно, изображен наперсный крест, которым отмечен главный персонаж, не рядовой монах, а иеромонах). В источниках нет никаких сведений о том, что Стефан отправился проповедовать с какими-то другими монахами. Возможно, в ладье представлены его постриженники из числа пермяков (?).

Эпизод с осенением бушующих вод крестным знаменем и спасением ладьи от потопления напоминает евангельские тексты; Стефан в этой ситуации как бы повторяет чудо Христа (Матф., 8, 24—27; Марк, 4, 39; Лука, 8, 22—25). В тексте ЖСП присутствуют несомненные реминисценции евангельских текстов, в которых Стефан также ассоциируется с Христом. Спасение Стефана от рук язычников, собравшихся убить его, описано: «. . . и тако прошел посреде их идяше»³³ (ср.: Лука, 4, 30). Рассказ о важнейшей проповеди Стефана начинается словами: «. . . и став на месте равне

²⁶ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979. С. 25.

²⁷ ЖСП. С. 35—37.

²⁸ Там же. С. 27.

²⁹ Там же. С. 76.

³⁰ Макарий, архим. Сказание. . . С. 12.

³¹ Там же. С. 27—28.

³² ЖСП. С. 93, 101.

³³ Там же. С. 28.

и нарочите»³⁴ (ср.: Лука, 6, 17). В уста агитирующего против Стефана волхва вложены слова: «...от Москвы бо может ли что добро быти нам?»³⁵ (ср.: «...от Назарета может ли что добро быти» — Иоанн, 1, 46). К числу реминисценций евангельских текстов, в которых Стефан ставится вместо Христа, следует отнести еще два отрывка из Жития, написанного Елифаннем. Слова «не мы бо тебе избрахом, но ты нас избрал еси»³⁶ несомненно навеяны словами Христа в Евангелии от Иоанна «не вы меня избрали, а я вас избрал» (гл. 15, 16). Включенные в риторический «Плач пермских людей» слова «мы бо сами представлению его самовидцы и слуги»³⁷ представляют собой не очень удачное использование евангельского текста, в котором упомянуты «самовидцы и слуги Слова» (т. е. Христа) (Лука, 1, 2).

Особый интерес среди изображений этого колена представляет языческий идол. Отметим, что хотя Елифанний Премудрый в ЖСП пишет о чрезвычайном разнообразии пермских идолов, он по существу не сообщает о них никаких конкретных сведений: «...еже суть болваны истуканныя, изваянныя, издолбенныя, вырезом вырезаемыя...», «бяху же в Перми кумири различнии, овии болшии и меншии, друзии же среднии, а инии нарочитии и словутнии, и инии мнози, и кто может исчести их? Овем убо ближнии моляхуся и худу честь воздааху, а другим же мнози, не токмо ближнии, но и далнии погостове. Суть же у них етери кумири, к ним же издалеча прихожаху, и от далних мест поминкы приношаху и за три дни и за четыре и за неделю сущии со всяцем тщанием приносы и поминкы присылаху и како могу сказати действия их?»³⁸

Идол, изображенный на посохе, вероятно, паделен чертами пермских языческих идолов. Это изображение гораздо более информативно, чем миниатюра Лицевого летописного свода, изображающая пермских «богов». Судя по изображенному рядом дереву, статуя находилась в лесу, что соответствует упоминаниям о святилищах пермяков. Большой интерес представляет то, что идол изображен сидящим. Такая поза идола перекликается с легендарными сведениями о знаменитой «золотой бабе» и ее изображениями на старинных картах. Однако в данном случае идол представляет бородатого мужчину. Наличие наброшенного поверх фигуры идола одеяния подтверждается данными письменных источников о том, что у ряда пермских идолов были одежды. В ЖСП рассказывается о том, что Стефан, сняв с идолов одежды, дал их обращенному им в христианство мальчику, чтобы тот сделал из них «гаща, онуща и ногавища».³⁹ Корона на голове идола заставляет предположить, что перед нами главное языческое божество. Идол в богатых одеждах и с драгоценным венцом на голове упоминается в скандинавских сагах о походах викингов в Биармию (вероятно — Пермь).⁴⁰ В заключение отметим, что ни Макарий, ни де Бай не поняли, что данная фигура изображает языческого идола, хотя это совершенно определенно вытекает из текста прилегающей надписи. Барон де Бай полагал, что рассматриваемый образ представляет собой изображение князя или царя.⁴¹

В местных легендах о чудесах Стефана наиболее важная святыня, уничтоженная им, представляла собой не идола, а какую-то «прокудливую» березу, священное дерево.⁴² Стефан не мог срубить дерево за один день, а наутро находил ствол вновь нетронутым (фольклорная черта — сверхъестественная задержка действия у самой цели), нечто подобное — эпизод с забытым огнивом в надписи на 3-м колене. Пока Стефан рубил дерево,

³⁴ Там же. С. 28.

³⁵ Там же. С. 40.

³⁶ Там же. С. 90.

³⁷ Там же. С. 86.

³⁸ Там же. С. 35, 36.

³⁹ Там же. С. 41.

⁴⁰ См.: Т и а н д е р К. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. С. 296.

⁴¹ В а у е, baron de. La crosse de S. Etienne de Perm. P. 13.

⁴² М а к а р и й, а р х и м. Сказание... С. 15, 16.

он слышал голоса: «оставь нас, се есть древнее наше пребывание» (ср. неизвестные речи беса, упомянутые в надписи на рукояти посоха). Лишь на третий день дерево было сокрушено. Весь этот эпизод имеет определенные черты сходства с композицией посоха, но ясно, что это совершенно разные версии (в легенде нет поисков святылища — оно было недалеко от кельи Стефана; в ней подчеркивается, что святыня представляла собой просто дерево, и т. д.).

4-е колено (рис. 8) представляет две сцены похорон, сопровождаемые двумя частично сохранившимися надписями.

Верхняя композиция представляет собой погребальное богослужение в церкви. Над телом усопшего стоят дьякон с кадиллом и священник с богослужебной книгой. Отметим прямоугольный предмет, положенный на свободно свисающий плат в руке дьякона; он показан у дьякона и на первой композиции 5-го колена, изображающей крестный ход Стефана «с собором» ко граду неверных. Подобный предмет встречается на изображениях первомученика Стефана, также имевшего сан дьякона. По-видимому, это артофорий — пиксида для хранения освященного хлеба.⁴³ В данном случае эта богослужебная принадлежность трактована как коробочка с плоской крышечкой, тогда как в других случаях она изображалась с полукруглым, куполообразным верхом. В изголовье покойного представлены витые свечи на высоких подсвечниках (в настоящее время частично утрачены, но хорошо видны на фотографии в издании де Бая — рис. 8а). Тело Стефана изображено по иконописной традиции запеленутым. Верхняя часть головы отломана, но борода видна отчетливо. Повторяющееся на этом колене два раза изображение мертвого тела не было понято архимандритом Макарием. Он упоминает «фигуру, заполненную орнаментом, напоминающим букву Х» (!).⁴⁴ На нижней композиции гроб с телом Стефана несут. Видна фигура священника с книгой в руке. Сзади нее монах поддерживает гроб снизу.

Несомненно, обе сцены похорон связаны со смертью самого Стефана Пермского. Его смерть в Москве, предшествовавшие ей посещения иерарха многими представителями знати и духовенства и посмертные почести воспринимались современниками как свидетельства святости Стефана и знаки божественной благодати.

Соединенный с 4-м коленом чужеродный фрагмент имел три композиции. От верхней сохранилось изображение сидящего епископа на фоне башни града. По мнению Макария, это изображение Стефана. Такую возможность нельзя полностью отрицать, однако отметим, что верхнее облачение (саккос), украшенное многочисленными крестами (крещатые ризы), — это облачение, которого как награды удостаивались очень немногие выдающиеся церковные иерархи или те из них, которые были облечены самыми высшими церковными титулами. Скорее всего данное изображение представляет не Стефана, а московского митрополита. По-видимому, сцена была посвящена какой-то встрече митрополита со Стефаном. Это не эпизод отправления Стефана на проповедь, так как он отправился к пермякам в то время, когда в Москве не было митрополита, и его благословлял и поставлял в иеромонахи епископ Коломенский Герасим, который крещатых риз не имел. Следовательно, композиция изображает или поставление Стефана в епископы пермские, или какую-то более позднюю встречу Стефана с митрополитом.

На следующей композиции представлен монах, очевидно Стефан, беседающий с человеком, от изображения которого сохранилась одна голова в характерной шапке. Такая же шапка повторена на нижней композиции этого же фрагмента колена и на 5-м колене. По-видимому, подобная шапка

⁴³ Л а з а р е в В. Н. Михайловские мозаики. М., 1966. С. 69, 70, табл. 59. 61, 105.

⁴⁴ М а к а р и й, а р х и м. Сказание. . . С. 15.

соответствует традиционной иконографии головного убора, в котором обычно изображались пророк Даниил, три отрока, а также евангельские волхвы. Можно думать, что персонаж в такой шапке представляет языческого волхва. В надписи упоминаются загадочный «коноп» и «бес». При еще одном изображении той же шапки читаем: «. . .наведе бесь че. . . [на е] пискупа». Очевидно, персонаж в этой шапке как-то связан с бесом в ризах и «конопом» надписей посоха. Его беседа с монахом напоминает о прении Стефана с волхвом.

На нижней части фрагмента фигура в характерной шапке идет в одну сторону, а в противоположную от нее движется обломанная фигура в плаще; перед ней была еще одна, ныне утраченная, также в плаще (см. рис. 8а). Сцена может быть предположительно связана с уходом побежденного в споре волхва. Однако ни в одной надписи не упомянуты ни слово «волхв», ни имя Пам (Пан), известное в письменных источниках, ни его титул — «сотник». Встречающееся в надписях слово «бес» едва ли все-таки можно отнести к реальному лицу (если это не иносказание). Судя по Вычегодско-Вымской летописи, Пам принимал участие в вооруженном походе против Стефана, закончившемся чудесным ослеплением и прозрением.⁴⁵ На соответствующих композициях посоха нет персонажа в подобной шапке.

На 5-м колене (рис. 9) представлены две композиции. На верхней композиции видны два беседующих на стенах града монаха. Можно отметить значительный размер башен — 6 этажей. Нижний ярус представляет собой две сцены на фоне града. Первая — это беседа монаха (очевидно — Стефана) с персонажем в характерной шапке, вторая — сцена болезни Стефана. Он лежит на одре, над ним склонились два монаха. Слова «наведе бесь. . .» со всей определенностью могут быть связаны с суеверными представлениями о вредоносной магии, порче. Судя по всему контексту, порча связана с «бесом» надписей и фигурой в характерной шапке (возможно, она и названа бесом). В ЖСП Пам неоднократно угрожает Стефану вредоносной магией, однако это остается только угрозой.⁴⁶

Не вполне ясно, каким образом туземный персонаж в характерной шапке оказался в Москве, где Стефан заболел. Возможно, впрочем, что существовала версия жития, согласно которой Стефан заболел еще в Перми.

Поскольку ни на одной сохранившейся детали посоха нет сцены или упоминания чудесного исцеления Стефана, можно думать, что, согласно данной версии, болезнь, насланная бесом, и была причиной смерти Стефана.

6-е колена (рис. 10) имеет две композиции и две почти полностью сохранившиеся надписи. Верхняя представляет торжественную процессию под стенами града. Это епископ «с собором» идет к неверным. Характерное «с собором» лишний раз свидетельствует, что, согласно версии, представленной на посохе (и в этом, очевидно, более достоверной, чем другие), миссия Стефана не была индивидуальным предприятием. Изображены два священника с епитрахильями (возможно, дважды изображен Стефан) и дьякон с орарем на плече. Отметим, что до поставления Стефана в епископы он не имел канонического права поставлять дьяконов, следовательно, это или его спутник, или поставленник Стефана, уже ставшего епископом. Но тогда неясно, почему он изображен без омофора. Впрочем, в надписях Стефан постоянно именуется епископом. Впереди процессии отрок с развевающимся длинным флагом треугольной формы, не имеющим черт сходства с церковной хоругвью. В житии Нифонта, по рукописи XVI в., представлено церковное шествие с таким же флагом.⁴⁷

Фигуры пермяцких князей на второй композиции колена интересны своими одеждами, соответствующими русским модам XV—XVI вв. (осо-

⁴⁵ Доронин П. Документы по истории коми. . . С. 258, 259.

⁴⁶ ЖСП. С. 41, 46.

⁴⁷ Житие св. Нифонта, лицевое, XVI в. / Описание составлено В. Н. Щепкиным // Исторический музей: Описание памятников. М., 1903. Вып. 2. Табл. XXXII.

бенно длинные рукава, низко расположенный пояс). По краям одежд иногда выделена кайма (шитье? мех?). Можно думать, что главный князь представлен анфас. Связь композиций с каким-то определенным эпизодом неясна. В ЖСП пермяцкие князья совсем не упоминаются. Однако вероятно, что из-за феодального этикета Епифаний не считал возможным назвать местных правителей князьями. Не соответствует ли «князь» надписей посоха «сотнику» ЖСП? В таком случае яснее становится деятельность и влияние Пама. Отметим, что фигура с длинной клиновидной бородой, подобная центральной фигуре нижней композиции, может быть выделена и среди воинов, отправившихся в поход против Стефана.

Последнее, 7-е колено посоха (рис. 11) имеет две композиции и две надписи. Содержание второй композиции показывает, что эти события относятся уже ко времени после смерти Стефана. На верхней, после не полностью сохранившейся и непонятной надписи, изображены две сходные сцены: монах и светское лицо передают один другому связку мехов на фоне града. Возможно, речь идет о каких-то поборах в пользу церкви. Известно, что в это время великий князь уступил часть своих доходов епископам пермским.⁴⁸ Не исключены и другие истолкования изображения. Самая нижняя композиция вполне идентична двум композициям 1-го колена. Поскольку в надписи упомянута смерть Стефана, можно думать, что этот цилиндр и первоначально следовал за сценами похорон епископа. Не вполне ясно, какой град изображен на рассматриваемой композиции. В Усть-Выми, по-видимому, к моменту смерти Стефана все же преобладало христианство. Может быть, подразумевается Княжь-погост? Довольно странно, что заключительной сценой в серии изображений на посохе оказалось изображение злорадства язычников по поводу смерти миссионера. Можно думать, что одна из важнейших тенденций, отраженных в изображениях на посохе, — осуждение язычества и его пережитков, сохранявшихся у пермяков.

* * *

Анализ последовательности надписей и изображений на посохе Стефана Пермского в его современном состоянии показывает, что первоначальный порядок резных колен несомненно нарушен. Современное состояние посоха (неполная сохранность надписей и изображений) не дает оснований для бесспорной реконструкции его первоначального вида. Предлагаемое восстановление порядка колен может рассматриваться только как рабочая гипотеза.

Представляется, что серия житийных изображений посоха первоначально, как и в настоящее время, начиналась коленом 1-м (рис. 5). В пользу этого предположения могут быть предложены следующие аргументы: то, что оно и в настоящее время находится на первом месте (при ремонте наиболее вероятно сохранение на своих местах первого и заключительного элементов), и то, что это колено по композиции и смыслу изображения перекликается с заключительным изображением последнего колена. Наконец, содержание первой надписи может быть понято как упомянутые в надписи на ручке слова беса (получается, что он сообщает Стефану о том, что неверные радостно коснеют в язычестве).

Однако если это колено шло первым, то первоначальное его положение должно было быть несколько иным, чем теперь: оно должно было располагаться выше яблока, так как изображения ниже яблока должны были иллюстрировать текст, находящийся на яблоке. Малая длина данного колена, составляющая его специфику, возможно, связана с его особым (крайним верхним) положением.

⁴⁸ Макарий, архим. Сказание. . . С. 26.

Другое колено, которое могло занимать первое место, — колено 6-е (рис. 10). Его первая сцена — «идет епископ с собором к неверным» — может рассматриваться как завязка всего повествования о Стефане. Но его вторая сцена — «собрашася князи. . .» — подразумевает далее какое-то развитие действия (я предполагаю: «. . . поидоша на епискупа со оружием»). Если же колено 6-е шло первым, выше яблока, то за ним далее должен идти эпизод с сокрушением идола, никак не связанный с собранием князей.

Если первоначально на посохе, как и теперь, не было костяных колен выше яблока, то колено 1-е могло идти после колена 6-го (трудно предполагать, что после колена 3-го (рис. 7), так как в этом случае получилась бы последовательность: Стефан сокрушает идола, а неверные веселятся).

На втором месте после колена 1-го и яблока следует поместить колено 3-е (рис. 7) — путешествие Стефана по воде и сокрушение идола. Это обусловлено надписью на яблоке.

На третьем месте могло бы идти колено 2-е (рис. 6) — поход язычников на Стефана как следствие сокрушения почитаемого ими идола. Но поскольку в первой надписи («поидоша на епискупа. . .») нет подлежащего, а последняя надпись 3-го колена «сече демона. . . забуде огнива» язычников не называет, то следует предполагать здесь промежуточное колено. Это, очевидно, колено 6-е (рис. 10). Сокрушив идола, Стефан направляется с проповедью к неверным, а они отправляются против него с оружием. Некоторое противоречие — Стефан приходит к самому граду неверных, а они к нему едут в ладьях — может быть объяснено хронологическим разрывом, разделяющим эти эпизоды.

На четвертом месте следует поместить колено 2-е (рис. 6) — поход язычников против Стефана, их чудесное ослепление и обращение к христианству. Последняя сцена этого колена, несмотря на маловыразительную композицию, очевидно представляет апогей деятельности Стефана.

На пятом месте могло идти колено, от которого сохранился лишь небольшой фрагмент (рис. 8а) с изображением митрополита и беседы Стефана с волхвом (бесом в ризах?). Очевидно, здесь изображались поставление Стефана в епископы (как следствие признания его подвигов, показанных выше) и начало неясного эпизода с участием «беса», который затем навел на епископа болезнь.

На шестом месте, по-видимому, помещалось 5-е колено (рис. 9). Верхний эпизод (беседа Стефана с монахом) неясен, так как надпись почти полностью утрачена; второй эпизод продолжает сюжет с бесом и представляет болезнь епископа.

На седьмом месте, очевидно, следует колено 4-е (рис. 8) — похороны епископа, следующие за изображением его болезни.

Колено 7-е (рис. 11) как в настоящее время, так и первоначально было завершающим. На нем упоминается уже совершившаяся смерть епископа, следовательно, оно должно идти после сцены похорон.

Несмотря на ряд неясностей мы, таким образом, можем в общих чертах восстановить ту версию жития Стефана Пермского, которая представлена на посохе.

Характерные особенности этой версии выступают особенно рельефно при ее сравнении с ЖСП Епифания Премудрого.

В ЖСП особое внимание уделено изобретению Стефаном письменности и его переводческой деятельности, прославление которых составляет основу похвального слова, посвященного миссионеру. Эти стороны деятельности Стефана совершенно не отражены в изображениях и надписях посоха.

Наиболее яркий и драматический эпизод ЖСП — прение Стефана с языческим волхвом Памом-сотником. Бесспорного отражения этого эпизода в сохранившихся изображениях посоха нет.

Оба чуда Стефана, упомянутые в надписях посоха и изображенные на нем, — спасение от потопления и ослепление язычников — отсутствуют в ЖСП. Следует отметить, что при всей приподнятости и риторике стиля ЖСП в нем нет ни одного сверхъестественного чуда Стефана (хотя вся его деятельность в целом оценивается как чудесная).

В ЖСП отсутствуют и конкретные действия дьявола против Стефана, отраженные в надписях и изображениях посоха: явление беса в ризах, чудесное погружение ладьи со Стефаном, насылание на Стефана болезни. В ЖСП дьявол фигурирует лишь как безликая сила, символ мирового зла.

Отсутствие чудес в написанном Епифанием Премудрым Житии Стефана Пермского резко контрастирует с легендарной традицией, сложившейся вокруг этого миссионера, в частности с версией, существовавшей, судя по резьбе посоха, уже в середине XV в. Отдельные чудеса, связанные со Стефаном, имеются в житиях других святых, в частности Прокопия Устюжского, который, согласно легенде, предсказал беременной матери Стефана, что от нее родится просветитель пермской земли.⁴⁹ Еще одно чудо, связанное со Стефаном, помещено в Житии Сергия Радонежского. Согласно этому Житию, когда Стефан проезжал из своей епархии в Москву в значительном отдалении от Сергиевой обители, он остановился и с поклоном приветствовал Сергия. Сергей, несмотря на значительность расстояния, почувствовал это во время трапезы и ответил Стефану тем же.⁵⁰ Это чудо находится в Житии Сергия Радонежского, написанном тем же самым автором, что и Житие Стефана, — Епифанием. Таким образом, Епифанию была известна легенда по крайней мере об одном чуде, связанном со Стефаном, но он не считал нужным включить ее в Житие. Вероятно, существенное различие двух основных произведений Епифания — житий Сергия и Стефана объясняется тем, что первый из двух был популярнейшим деятелем своего времени, тогда как деятельность второго интересовала в те времена лишь избранных. Поэтому Житие Сергия было гораздо более насыщено как фактическими данными, так и чудесными легендами. Рассчитанное на более узкую аудиторию, Житие Стефана было менее конкретно, чрезвычайно нагружено своеобразно понятыми литературными красотами и вместе с тем полностью лишено сверхъестественных событий. Тот факт, что отсутствие чудес в Житии Стефана (факт в агиографии уникальный) было результатом осознанной тенденции Епифания, подтверждается также тем, что эпизод, послуживший литературным прототипом рассказа ЖСП о состязании Стефана с волхвом (влияние первого на второй неоспоримо ввиду наличия текстуальных совпадений), завершился чудом, которое Епифаний, однако, заимствовать не стал.⁵¹

Любопытное отличие версии ЖСП от версии посоха заключается в том, что Епифаний постоянно подчеркивает индивидуальный характер деятельности Стефана, тогда как на посохе можно в нескольких случаях видеть его соратников (крестный ход к неверным с собором; поиски идола со спутниками; очевидно, те же лица у одра болезни Стефана). В данном случае правда жизни скорее на стороне версии посоха.

Версия биографии Стефана, представленная на посохе, отражает сравнительно с ЖСП более архаичные представления, с яркими чертами суеверия. По сравнению с ЖСП эта версия также менее книжная, имеет более народный, фольклорный характер.

⁴⁹ См.: Житие Прокопия Устюжского // ПДПИ. СПб., 1893. Вып. 203. С. 56, 57.

⁵⁰ См.: Леонид, архим. Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия чудотворца и похвальное ему слово, написанное учеником его Епифанием Премудрым в XV в. // ПДПИ. СПб., 1885. Вып. 58. С. 115—116. — Изображение этого эпизода на миниатюре конца XVI в. см.: Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского и всея России чудотворца. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1853. Л. 211—213 об. (наиболее интересна миниатюра на л. 212).

⁵¹ См.: Поп Р. Несколько замечаний о литературном методе Епифания Премудрого // Культурное наследие древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976.

Несколько слов о художественных особенностях резьбы посоха. Несомненно, уровень квалификации резчика в данном случае гораздо ниже, чем тот, который характерен для декора посохов Геронтия и Оружейной палаты. Стилль резьбы можно назвать линейно-графическим со значительной долей северного примитивизма. Можно указать отдельные параллели в древнерусском прикладном искусстве⁵² (трактовка волос и одежд, архитектуры). Ряд особенностей стиля может быть объяснен воспроизведением в более крупном размере образцов с миниатюрной резьбой, подобных позднейшим памятникам искусства Афона. Во всяком случае, резьба посоха имеет сходство не только с северорусскими произведениями, но и с некоторыми памятниками позднесредневековой греческой резьбы по дереву.⁵³ Характер резьбы посоха Стефана несомненно указывает на его провинциальное происхождение и косвенно свидетельствует в пользу его создания в центре великопермской епархии — Усть-Выми. Возможно, это произведение было создано человеком, не имевшим высокой профессиональной выучки, по обету. Судя по языку надписей, их составитель был русским, а не коми, так как в противном случае было бы естественно использовать письменность, созданную Стефаном Пермским.

⁵² См.: Леонов А. И., Померанцев Н. Н. Деревянная скульптура // Русское декоративное искусство от древнейшего периода до XVIII в. М., 1962. Т. 1. С. 82.

⁵³ См.: Соловьев М. П. Резной деревянный крест греческой работы из собрания А. В. Звенигородского. СПб., 1887.